

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

Талчатилик

16+

Джавид Алакбарли

Памятник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67564320

SelfPub; 2022

Аннотация

Три драматурга на первом съезде Союза писателей дискутировали на тему о том, какая же должна быть литература в Советском Союзе. Один из них не дожил до тридцать седьмого года, другого в том году расстреляли, а третий пережил все эти катаклизмы и умер на подмосковной даче от инсульта. Для тех, кто хорошо знает советскую литературу, очевидно, кто были эти люди. Это Николай Погодин, придумавший историю о том, что надо любить человека с ружьём и создавшей свою Лениниану. Это Виктор Киршон – человек, которому покровительствовал сам нарком Ягода и который писал письма самому Сталину. Все они в меру своего таланта и способности служили литературе. А ещё один из них смог создать тот образ освобождённой женщины, которая застыла бронзовым памятником в центре Баку. И звали его Джафар Джаббарлы. Он был наивным романтиком и только этим можно оправдать то, что он рискнул выступить против Киршона в споре того с Погодиным и говорить на съезде о том, какой должна быть истинная литература.

Джавид Алакбарли

Памятник

На открытии этого памятника разразился грандиозный скандал. Как только слетело белоснежное покрывало и вся устремлённая прямо в небо скульптура открылась во всей своей красе, раздались громкие аплодисменты. Это был чудо-памятник. Фигура женщины в полный рост, сбрасывающая с себя тяжёлую чадру, скрывающую её красоту, была просто прекрасна. И она никого не могла оставить равнодушным. Ни мужчин, ни женщин. Но скандал разразился из-за её лица. Две женщины, так или иначе, связанные с личностью самого скульптора, сотворившего всю эту красоту, сцепились в громкой перепалке. Пока лишь только в словесной, но грозящей перейти в настоящую женскую драку. Каждая утверждала, что именно её лицо отражено в этой бронзовой скульптуре.

Всем известно, что нет ничего прекрасней женской драки. По накалу страстей и уровню напряжённости она способна затмить любые эротические фантазии. Особенно если эта драка двух красивых женщин. Но нет и ничего ужасней женской драки. Она никогда не грозит каким-то фатальным исходом, как это порой случается, если дерутся мужчины. Но, как известно, настоящая женская драка обнажает истинное лицо любой женщины. И именно в силу этого она спо-

собна навсегда уничтожить годами создаваемый безупречный имидж.

Это неизбежно происходит. Даже если эта женщина перестала быть существом из плоти и крови и превратилась просто в бронзовый памятник. А здесь, ведь, по существу, сцепились не две, а три женщины. Сцепились в страстном желании выяснить истину. А вот именно истину выявить бывает порой так тяжело. Особенно в том случае, когда до неё хотят докопаться женщины: две реальные и одна бронзовая. Хотя, справедливости ради, надо признать то, что бронзовая женщина не дралась. Она, фактически, участвовала в этой драке как некое вещественное доказательство. Как эталон. Взирая на всё это с высоты своего пьедестала, она с самого начала драки предлагала каждому человеку на этой площади ответить на весьма провокационный вопрос:

– На кого же всё-таки я похожа?

И вдруг в какой-то момент все стоящие на этой площади сразу же постигли суть такой простой истины, что как это не парадоксально, но у всех этих трёх женщин было одно и то же лицо. Скульптор понял это раньше всех. Ещё бы. Ведь это был его любимый женский типаж. Но как можно здесь, на площади, при таком накале страстей, кому-то объяснять, что такое типаж? Вот он и молчал. К тому же эти женщины выглядели, как разъярённые фурии. И меньше всего он хотел обратить их внимание на себя.

Скульптор подумал, что всё же это, видимо, не случайно.

Наверное, они и были теми фуриями, ниспосланными самим небом, чтобы наказать его за все его грехи. Именно поэтому он был весь пронизан ужасом и паникой и просто не знал, что же можно предпринять в такой нелепой ситуации. Ведь теперь уже на кону стоял его собственный имидж и его безупречная репутация как лауреата разных и всяких громких премий. А ещё к тому же примерного семьянина. Надо было срочно что-то делать. Что же именно, он никак не мог себе представить. Ситуация казалась почти безвыходной.

Положение, как это обычно бывает, опять-таки спасла женщина. Другая женщина. Какая-то непонятная и никем не узнанная. Просто женщина из толпы. Но очень яркая и красивая. То, что она выкрикнула, заставило сразу всех замолчать. И даже застыть. Вокруг этой новой участницы скандала каким-то образом образовалось некое пустое пространство. Произошло это как бы стихийно, но в то же время вполне закономерно. Ведь сказанное ею сразу же услышали все. А произнесла она слова, звучащие как хлёсткая пощёчина. Резко вздёрнув подбородком, сначала в сторону одной участницы скандала, а потом другой, она выкрикнула какие-то совершенно сумасшедшие слова. Страстная убеждённость её речи и какая-то безумная энергетика простых, казалось бы, слов поневоле завораживали.

– Не знаю, на кого она похожа лицом. На вас? А может быть, на вас? Но я точно знаю, что грудь у неё точно такая же, как у меня. Просто копия. Один в один. И по существу,

сразу же после этих её фраз скандал перестал быть скандалом. Прежде всего, потому, что все эти люди, собравшиеся вокруг памятника, перестали быть толпой. Они сразу превратились в зрителей какого-то непонятного театра. Скорее всего, площадного. Зрителями их сделал смех. Общий смех. Все они смеялись настолько заразительно и весело, что даже начавшие этот скандал женщины и потерявший от ужаса дар речи скульптор тоже присоединились к ним. А потом, как и положено в хорошем театре, прозвучали аплодисменты. Ласкающие слух и просто успокаивающие душу аплодисменты. Так хлопают не на открытии памятника, а именно в театре. На премьерном показе прекрасной пьесы. Пьесы, написанной самой жизнью. Скульптор поневоле подумал, что впервые в жизни его творение вызывает настолько неординарную реакцию. Он никак не мог понять лишь одного: в конце концов, всё это хорошо или плохо?

В своей жизни он создал немало скульптур. Но эта была первая фигура женщины. А там, где женщина, разве возможно обойтись без скандалов, разборок, взрыва эмоций и выяснения того, кому же всё-таки по праву принадлежит тот или иной мужчина. Сегодня в качестве яблока раздора выступал он сам. Этим можно было гордиться. Именно такой вывод он сделал из всего того, что сегодня произошло. У него резко улучшилось настроение. И он с удовольствием отправился вместе с друзьями обмывать открытие этого памятника.

Небольшой банкет затянулся до полуночи. Вначале была

сугубо официальная часть. Выступающие говорили о женском равноправии, о путях его достижения, о том, сколько женщин заседают сегодня в парламенте, возглавляют какие-то структуры, работают в больницах и школах. Один писатель очень эмоционально озвучивал простые банальности о том, что можно обойти все бакинские улицы и не встретить ни одной женщины в чадре. Потом он запанибратски хлопнул скульптура по плечу и сказал:

– Да... Всё хорошо. Просто прекрасно. Но всё же опоздал ты, братец, немножко с этим памятником. Ведь пьеса «Севиль» была написана тогда, когда всё это было очень актуально. Ты же помнишь, что было целое движение «Долой чадру»? А сейчас твой памятник уже не часть эффективной пропаганды, а нечто, просто отражающее тот факт, что когда-то в Азербайджане женщины носили чадру. А ещё при этом стремились к свободе, равенству и достижению равных прав с мужчинами.

После того, как банкет покинули официальные лица, друзья скульптора попросту, по-чёрному, хорошо напились. А как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Самый близкий его друг, в порыве каких-то непонятных чувств обнял его, расцеловал и сказал совершенно идиотскую фразу:

– Памятник, конечно же, ты сделал замечательный. Просто молодец. Восхищаюсь. Но всё-таки знай, Джафара тебе не переплюнуть в этом вопросе.

– А причём здесь Джафар? И в чём это мне его не переплюнуть? Он же не скульптор.

– Твой памятник – это, может быть, всего лишь какой-то заключительный этап во всей этой истории. Но историю-то эту создал именно Джафар. Это он привёл на сцену один из самых запоминающихся, ярких, хлёстких образов нашей драматургии: образ женщины, бросающей чадру в лицо мужу и уходящей в никуда. В неизвестность. Это сколько же надо иметь мужества, гордости и стремления к свободе, чтобы так поступить. Я много думал об этом. И понял только одно. Только женщина, выросшая на берегу моря, была способна сделать это. Причём сделать это первой. Так ярко, красиво пока ещё никто не осмелился избавиться от этой чёрной тряпки. Тогда, когда ещё никто из женщин не осмеивался ступить на эту тропу войны с мужчинами.

Море ведь формирует у человека абсолютно другую линию горизонта. Когда морская гладь сливается с небесной, возникает ощущение бесконечности бытия. Кажется, что ещё немножко и ты сможешь взлететь и раствориться в этой беспредельной голубизне. И неважно, на самом ли деле у тебя появятся крылья для полёта или нет. Может быть, ты сможешь взлететь? А может быть, просто камнем пойдёшь на дно? Но здесь важно лишь твоё желание. А ведь именно желание вызвало к жизни то решение, которое приняла первая женщина, сбросившая чадру. И она сделала это именно тогда, когда сполна осознала всю мощь и глубину своего жела-

ния. Ну, а как известно, того, что хочет женщина, хочет сам Господь Бог. Куда уж нам простым смертным вмешиваться сюда со своими оценками. Так что, давай, дорогой, выпьем за наших женщин. За всех женщин, вообще. И за эту бронзовую мадмуазель тоже.

– Да, ты поэт оказывается... Всё сказал правильно. Только одно не учёл. Ведь турчанки, египтянки, марокканки тоже всматривались в морскую гладь. Но чадру не сбрасывали.

– Но я же за них не в ответе. Я же поэт этого народа. А не какой-то там арабский или турецкий. У меня есть даже официальная бумага, подтверждающая это. Да, ещё забыл тебе сказать. Всё же ты выбрал прекрасное место для памятника. И монумент под него хорошо подобрал. Ведь у тебя фоном для этой женщины, по существу, является само небо. Это будет красиво в любую погоду. Но особенно в ясную. Небо, солнце и прекрасная женщина. Виват! Давай выпьем за тебя по последней и постараемся доползти до дома. Кстати, ты, кажется, первый скульптор у нас, который ухитрился слепить памятник женскому образу, героине пьесы, а не какой-то конкретной женщине. Можешь гордиться. Кстати, это всё-таки хорошо, что это памятник идее. Хотя, я думаю, что после такого скандала ещё немало женщин будут утверждать, что эта бронзовая мадмуазель является их точной копией.

Наутро скульптор тяжело отходил от похмелья. А потом жена устроила ему допрос с пристрастием. Желала знать в

деталях и подробностях всё то, что же всё-таки произошло вчера на открытии памятника.

– Весь город гудит. Сплетня одна ужаснее другой. А ты как ни в чём не бывало пытаешься мне доказать, что ничего такого там и не было. Не могут же люди почти сутки обсуждать то, чего не было.

Тогда он рассказал ей всё это ещё раз. В своей редакции и в своей трактовке. И про первых двух женщин, с которыми он лично был знаком. И про ту третью женщину, которая узрела всю красоту своей груди на такой высоте. Вдруг совершенно неожиданно для него его жена тоже начала смеяться. Совсем, как те люди на площади. Смеялась она долго. До икоты. А потом просто подвела некую черту в их разговоре.

– Ну и везунчик же ты. Если бы я так хорошо тебя не знала, то подумала бы, что ты сам являешься режиссёром этого скандала. Памятник на такую скучную, официальную, формальную тему, как женское равноправие, вдруг превратился в легенду городского фольклора. Теперь женщины толпами ходят на эту площадь и всё пытаются понять, на кого же всё же в реальности похожа эта женщина и чья же всё-таки эта грудь. Обалдеть.

В результате они всё-таки повздорили. Оказывается, кто-то прекрасно информировал его жену о той роли, которую играли зачинщицы этого скандала в его жизни. Рассказали всё. В деталях и подробностях. Половина из того, что они

рассказали, была явной ложью и клеветой. Самая же главная ложь заключалась в том, что эти женщины были в его жизни до того, как он встретился со своей женой. Вначале он пытался это всё ей хладнокровно объяснить. Не удавалось. Истерика только начиналась и могла испортить такой прекрасный день. Тогда он прибёг к самому последнему аргументу. К тому, к которому всегда прибегает любой мужчина, желая в корне пресечь женскую истерику. Это сработало. Когда уже всё было позади, он отправился в театр. Она всё-таки ему вслед что-то кричала. Не очень обидное. Кричала просто для порядка. Ведь во всех их перепалках последнее слово должно было остаться за ней. Этого права он её лишать не собирался. Сегодня именно в честь открытия этого памятника в театре давали пьесу «Севиль». Здесь его тут же узнали, разные люди подходили к нему, поздравляли и говорили комплименты. Они были всякие. Искренние и не очень. Рядом же с ним сидел скучнейший искусствовед, который всё сыпал и сыпал на его уши информацию о том, когда состоялась премьера этой пьесы, кто и когда в ней играл, чьи были декорации, когда была написана опера по этому же сценарию и т. д. и т. п. Он по собственному опыту чётко знал лишь одно: искусствоведов надо просто расстреливать. За глупость и фанфаронство.

Он пришёл к такому выводу сразу после того, как за одну из его первых скульптур ему дали Сталинскую премию. Тогда он мужественно прочитал всё то, что искусствоведы

написали о его работе, о нём самом и о том, какие же мысли и идеи он, якобы, сумел реализовать и воплотить в той скульптуре. Тех искусствоведов он не убил. Не расстрелял. Не повесил. И даже не оскорбил ни единым словом. Хотя очень хотелось. А вот этого, сидящего рядом с ним, собирались просто придушить.

В роли спасителя выступил его старинный приятель. Тот пришёл на спектакль со своей старенькой мамочкой. Она расцеловала скульптора в обе щёки. И всё благодарила его за то, что он подарил городу такую красоту.

– Когда видишь красивую женщину – это всегда праздник. Но годы идут, женщина стареет, и красота исчезает. Красавица, которую ты создал, будет прекрасной и через десять лет, и через двадцать лет... Когда я взглянула на неё, то вспомнила об одной из постановок этой пьесы. О том спектакле ходили легенды.

Это был специальный показ для женщин. Когда он закончился, завхоз театра примчался к директору и уже с порога начал кричать:

– Какие-то хулиганы перекрасили наши кресла. Они их залили чёрной краской. Какой ужас! Что же нам теперь делать?

Директор отправился вместе с ним в зрительный зал. Когда он коснулся первого же стоящего перед ним кресла, он сразу же всё понял. Оказывается, никто и ничего не перекра-

шивал. Просто на каждом кресле лежала чадра, сброшенная женщиной, сидевшей здесь во время спектакля. После этого он сразу же дал одно единственное поручение:

– Срочно найдите драматурга и пригласите его сюда. И ничего здесь не трогайте.

Джафар пришёл через полчаса. Он тоже застыл, как статуя, глядя на то, что стало с их зрительным залом. Сел на одно из этих кресел. У него было очень больное сердце и весьма чувствительная душа. Он пытался унять своё сердцебиение и думал о том, что весь этот зрительный зал, фактически, является доказательством того, какой огромной силой может обладать слово. Силой воздействия на человека. На его психику. На его внутренний мир. На его желания и решения. Он был безмерно горд тем, что автором тех слов, что привели к «перекраске» этого зала, был именно он.

***

А потом был первый съезд советских писателей. Джафару тогда дали слово, и он поднялся на трибуну. Для всех он был мало кому известный писатель из далёкого Баку. Провинциал. И человек очень далёкий от всех страстей, кипевших тогда в столице. Именно поэтому было удивительно, что он рискнул в своём выступлении на съезде вступить в полемику. Ведь противостояние происходило между двумя знаменитыми личностями. Один из них был человеком, сделавшим себе имя на том, что предлагал поставить к стен-

ке философа Алексея Лосева. Про него говорили, что художественный уровень его пьес чрезвычайно низок. Это было естественно. Ведь все они были написаны по политическому заказу. Таким же заказом было его участие в травле Михаила Булгакова. Всё это было predetermined тем, что этот писатель был очень близок к группе наркома внутренних дел. И его остерегались. В отличие от него, его оппонент был, конечно же, человеком талантливым. Но в истории литературы он навсегда останется как драматург, придумавший «человека с ружьём». Ну, того, который проникся такой безмерной любовью к вождю мирового пролетариата. Именно этот драматург любил повторять:

– Литература и, в частности, драматургия должны заниматься человековедением. А от нас требуют человековедства. Но это уже сродни животноводству. И вдруг, в дискуссии этих двух, утвердившихся на литературном олимпе личностей, вмешивается мало

кому известный в столице литератор.

– Я не совсем понял, почему здесь кого-то упрекают в том, что он выступает искателем новых форм тогда, когда о Беломорском канале можно писать старыми формами, наполненными новым содержанием. Можно, конечно, писать обо всём: и о Беломорском канале, и о страховой кассе, но это будет уже только техника, а не искусство. Это всё сроком на один год, пока пьесу все успеют увидеть по одному разу. Ведь каждое содержание требует соответствующей формы, и вся-

кая подмена приводит к механистичности.

Если писатель не чувствует формы, в которую он облакает своё произведение, если он не заряжен, если он не возбуждается от действий своего героя, то он не сможет передать свои ощущения зрителю. Он подействует на его разум, на сознание, но чувства зрителя останутся свободными от воздействия. А произведение, которое рассчитано только на сознание, а не на чувства одновременно, – это не искусство. Писатель, который не умеет заряжаться и заряжать своего читателя, драматург, который не умеет сделать так, чтобы зритель плакал или смеялся по его воле, – это не писатель, это не драматург. Такому писателю или драматургу лучше заняться бухгалтерией или чем-нибудь другим. Но во всяком случае не искусством.

Это была позиция. И надо было иметь огромное мужество, чтобы озвучить её и выступить против протезе самого наркома внутренних дел. В этом выступлении был весь Джафар. Бесхитростный и бескомпромиссный. Так и не доживший со своим больным сердцем до репрессий тридцать седьмого года.

Спустя годы в центре Баку Джафару поставят памятник. Памятник будет очень монументальным, и глядя на него, трудно поверить, что этот человек ушёл из жизни всего в тридцать пять лет. Этот памятник не довелось создать нашему скульптуру. Смерть забрала его задолго до того, как приняли решение, что Джафара необходимо увековечить, поста-

вив ему памятник.

А протеже наркома просто расстреляют. А ведь он был так уверен в собственной избранности. Но она не помогла. Драматург, с которым он полемизировал, был, конечно же, более талантливой личностью. Вначале он прославился тем, что написал пьесу о том, как на строительстве Беломорканала убийцы и уголовники перевоспитывались и превращались в ревностных строителей коммунизма. Именно эта установка на то, что можно «перековать» любого преступника под влиянием идей марксизма-ленинизма, привела к тому, что из мест заключения были освобождены сотни закоренелых преступников. Выйдя на свободу, они совершили свыше двадцати тысяч преступлений и были вновь отправлены в места заключения. Так, прекрасно звучавшая с трибун идея о «перековке», потерпела фиаско в реальной жизни.

В период творческого кризиса этот драматург решил написать пьесу об Альберте Эйнштейне. Конечно, его представления о личности и деятельности автора теории относительности не выходили за рамки всем известных сведений. Но ему внезапно захотелось мировой славы. И он был абсолютно уверен, что пьеса о гениальном физике дарует ему это. А ещё почему-то эта пьеса «Альберт Эйнштейн» именовалась у него трагедией. Театр даже уже начал репетиции. Но сам автор был уверен, что она нуждается в доработке. Вот и поехал в Соединённые Штаты, чтобы довести эту пьесу до ума.

Штаты его сильно разочаровали. Масштаб личности Эйнштейна, отношение к нему в американском обществе почти как к неземному созданию вконец расстроили этого драматурга. Вернувшись же оттуда, он вскоре просто-напросто умер. Подскок давления, вызов скорой и летальный исход. Работу над пьесой кто-то пытался завершить. Но так и не смог. Она, фактически, так и осталась не до конца реализованным замыслом. Хотя можно было бы, наверное, написать комедию о том, как великий физик, уже давно покинувший этот мир, сумел «убить» выдающегося советского драматурга. Но никто её так и не написал.

Сегодня разве что у историков театра или у людей, изучающих тонкости советской пропаганды, возникает желание ещё раз перечитать всю созданную этим драматургом «Лениниану» или пересмотреть его спектакли и фильмы по его сценарию. Ну, а ещё, может быть, подсчитать как следует, сколько же памятников и бюстов было создано в честь вождя мирового пролетариата. Эти памятники, исчезая с центральных площадей каких-то городов, потом уже ухитрялись попадать даже на знаменитые аукционы Сотбис. И совершенно непонятным образом появлялись в столь неприличных местах, как казино Лас-Вегаса. Возникая в новом антураже, они порой провоцировали какие-то непонятные скандалы и противостояния. В одном казино, по требованию посетителей, скульптуру Ленина решили лишить головы. Но и в таком усечённом виде она всё равно оставалась узнаваемой и

напоминала о том, какой действенной может быть великая сила идей.

Спустя много лет после того, как был расстрелян один из участников этой дискуссии, в культовом советском телефильме прозвучала песня на его стихи:

– Я спросил у ясеня: где моя любимая?..

Вот такой вот неожиданный поворот судьбы. Песня стала очень популярной. А ведь автор этих слов даже не считал себя поэтом. Был убеждён, что он простой советский драматург, время от времени пишущий письма самому товарищу Сталину. В честь героев одной из его пьес тоже были поставлены памятники. Ведь она была посвящена двадцати шести бакинским комиссарам. Эти памятники потом будут сносить так же, как памятники Ленину. Причин тому будет много. Пожалуй, не меньше, чем лжи вокруг всего этого советского мифа о мучениках Бакинской коммуны.

В самые тяжёлые для литературы годы каждый из этих трёх людей служил ей так, как он сам считал это нужным. Создав какие-то страницы её истории, они сами тоже стали частью этой истории. Со всеми своими достижениями и заблуждениями. А ещё поневоле оказались в каком-то смысле отождествлёнными с теми памятниками, что были поставлены героям их пьес.

А бронзовая женщина на холме по-прежнему стоит как памятник каждой женщине, стремящейся к тому, чтобы быть свободной. Независимо от того – живёт она в свобод-

ном обществе или нет. Стоит как напоминание о том, что историю невозможно повернуть вспять. Но кто его знает? Ведь на улицах Баку нет-да-нет всё-таки можно вновь увидеть женщин в чадре. И не все они туристки, приехавшие из разных и всяких стран.